

Искусства

Раб Божий Вован

Владимир Ильин больше не считает себя актером

Один из самых востребованных в сегодняшнем кино актеров **Владимир ИЛЬИН** практически не дает интервью. То есть поначалу он вежливо соглашается, но предупреждает, что должен посоветоваться со своим духовником. А потом объявляет, что священник сказал «нет». Об Ильине, человеке колоритном, вообще ходят легенды: о том, как злоупотребляет традиционной для отечества вредной привычкой. Или о том, как однажды, попав в аварию, вернулся буквально с того света. А после этого основательно поверил в Бога.

Нашему корреспонденту удалось встретиться с Ильиным только благодаря тому, что оба они — свердловчане. Земляку актер отказать не смог. Хотя сразу же предупредил: «В последнее время в башке совсем пусто стало. Так что отвечать я буду коротко».

— Вы переехали в Москву уже сложившимся актером. Как решились?

— Да я ничего не решал, просто так получилось. Я вообще никогда ничего не решаю заранее, всегда плыву по течению. Меня жена привезла, Зойка. Я тогда работал у Феликса Григоряна в Казани, летом отправился в Свердловск к друзьям-родителям, а Зойка туда приехала на гастроли. Мы и познакомились.

— А как попали в театр Маяковского?

— Давно это было... Семьдесят первый год? Семьдесят второй? Гончар (глав. реж. театра Андрей Гончаров. — О.Н.) смотрел гитисовский экзамен, в котором в одном отрывке — «Охота жить» по Шукшину — меня попросили заменить актера. Гончар меня увидел и позвал. Я тогда как раз сидел без работы.

— И как вам приходилось в таком «звездном» театре?

— Как всем. Пахал. Почти без выходных. Утро-вечер, утро-вечер... В праздники — утро-день-вечер. Закалялся в работе и крике.

— Атмосфера «Маяковки» сильно отличалась от атмосферы здорового провинциального театра?

— Когда знакомишься с человеком близко, о звездности уже и не вспоминаешь. И вообще мне кажется, что настоящими «звездами» — то есть теми, кого любят зрители, — становятся актеры, которые при всей своей известности сохраняют природную простоту. Таков, например, Армен Джигарханян. «Маяковка» была классным театром! Там служили такие мастодонты мужики, что даже никакие стукачи не выдерживали. Они все друг с другом снимались, что им было воевать? На кого дядя Володя Самойлов глазом посмотрит, тот сразу присядет...

— Как к вам относился Гончаров?

— Ну, это у него надо спросить. Наверное, со страхом божьим (смеется). Я был первостатейным хулиганом, а он все-таки мастер, обаятельнейший, талантливейший, и все у него многому учатся. Хоть он и орет постоянно. По поводу и без повода. Но Гончар — беззлобный. Просто прошедший войну человек. Дай ему Бог... Он меня и с улицы подобрал, и в люди вывел. Пятнадцать лет мы друг друга терпели.

— А как он отреагировал на ваше желание уйти из театра?

— Да не успел он ничего сказать. Я написал заявление об уходе и просто уехал. Я написал, что у нас не совпадают творческие интересы. Я ведь уже был достаточно взрослый человек и не хотел заниматься кордебалетом. А тут как раз Володя Хотиненко предложил классную роль, и я уехал на съемки. Это был 89-й год. Хотиненко в Томске снимал «Рой». Ни тогда, ни потом я ни секунды не жалел, что «отвалил» из театра: у меня появились время и свобода. Свобода выбора, свобода действий. А Господь дал все остальное.

— Когда в театре работали — снимались?

— Так, один-два раза. Мы были заняты с утра до вечера, сниматься было просто невозможно. Я пытался отпроситься на съемки, Гончаров сказал: «Нет, ты будешь репетировать, сниматься не будешь». Ну, я и свалил. Но, заметьте, в другой театр я не

пошел, потому что по жизни однолюб.

— Недавно вы сказали, что не считаете себя актером. Как это понимать?

— Я не считаю себя актером с тех пор, как ушел из театра. Потому что потерял резвость и темп. Прекратил думать. Ведь когда утренняя репетиция — надо идти на утреннюю службу, когда спектакль — на вечернюю. Я просто поменял одно на другое.

— А кем бы вы назвали себя сейчас?

— Раб Божий я. Вовка. Вован, как Зойка меня называет.

— В театр уже никогда не вернетесь?

— Ну, если предложат что-нибудь интересное и небольшое... Если платить будут. Звали меня тут недавно в одну антрепризку. Да, если честно, пробовал я уже, и не раз, —

не смог, потому что не могу больше чужими словами изъясняться...

— Но в кино же вы снимаетесь?

— Я стараюсь, чтобы роли были сходны со мной, с моим характером. Возможно, это из-за лени. Но есть и нежелание. Вы же знаете, что есть «изреченное слово»? А мы всю жизнь болтаем-болтаем... Но работа есть работа.

— Сейчас любят судачить о том, что актерская профессия — не богоугодное дело.

— И я, действительно, постоянно ощущаю дисгармонию. Актерство — это одни иллюзии, за которыми теряешь самого себя. Мало того что мы придумываем себе жизнь, которой живем, так мы еще и на сцене что-то выдумываем. Господь дал нам жизнь с насто-

ящими страданиями, переживаниями и радостями, а мы от них убегаем и прячемся в театре. Еще и близких своих утаскиваем. Я сейчас просто пытаюсь понять, в чем он, наш грех-то актерский. Все, дальше говорить не буду. Наедине могу поделиться, но при этой штуке (диктофоне. — О.Н.) — не хочу!

— А действительно ли актеру необходимо благословение на работу?

— Конечно. Во всяком случае, я всегда беру. Спокойней так. И сценарий я батюшке всегда даю прочесть.

— И что батюшка говорит?

— Разное. Говорит, что, мол, это твоя работа, иди и работай.

— Никита Михалков в одном из интервью назвал вас своим актером. Вы могли бы называть его своим режиссером?

— Михалков для любого артиста — свой. Он так работает, что любой у него сыграет ВСЁ.

— Даже пень?

— Точно! Он так обходителен, так нежен, так заведен. Умеет работать, умеет предлагать, умеет соединить актера с ролью. Находит такие тонкие ракурсы... Что говорить, он — профессионал. Кстати, первый раз я встретился с ним еще до «Утомленных солнцем» — он снимал кино «Все о Чехове», какой-то французский заказ. Диалоги за борщами, сигарами и хрусталем.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Перспективы есть, но все вилами на воде... Предлагают что-то, слава тебе, Господи. В последнее время я думаю, что лучше бы, дурак, художником стал. Художник — милое дело.

— Сейчас не рисуете?

— Давно уже. Но я не зарекаюсь. Может, время прижмет, так сядешь какие-нибудь доски расписывать, лубка какого-нибудь налетишь. Куды-нть. По три рубля штука. Большая — по пять. Я и сейчас иногда постругаю. Ложечки, поскребки, в общем, всякую кухонную утварь.

— А на ложах-то не играет?

— (Смеется.) До этого я еще не допил.

— Тем не менее считаете себя столичным жителем?

— Я не считаю себя столичным и больше люблю провинцию: там люди поскромнее. Однажды мы с товарищами, уже учась в свердловском театральном училище, ездили поступать в Москву. Хотели испытать силенки. Не поступили. Но давно это было... Я еще тогда выпивал и многого просто не помню. Полжизни не помню (смеется). Зато помню, что все начиналось на Таганке. Зоя работала в Театре на Таганке. Первая общага наша была на Таганке. И с первым знакомым я выпивал под памятником Ильичу на Таганке. Помню, тогда продавался форшмак — такое селедочное месиво. Им мы и закусывали.

— Не жалеете, что оказались в Москве?

— Да я ж сюда не рвался! Даже были какие-то пути вернуться в Свердловск, но каждый раз думал: больно поздно... все, привокзал — работа, семья. Но, в принципе, считаю, где родился, там надо и жить. Иногда думаю о том, уехал бы, если что, или нет?

— Из страны?

— Да. Никогда в жизни! Я с таким трудом стал переносить все эти надписи — винстоны-шминстоны-кока-колы... Думаю, что я патриотом стал. Где-то после сорока. Раньше джинсы хотел какие-то, а сейчас решил: всё, буду покупать только отечественное.

— Валенки?

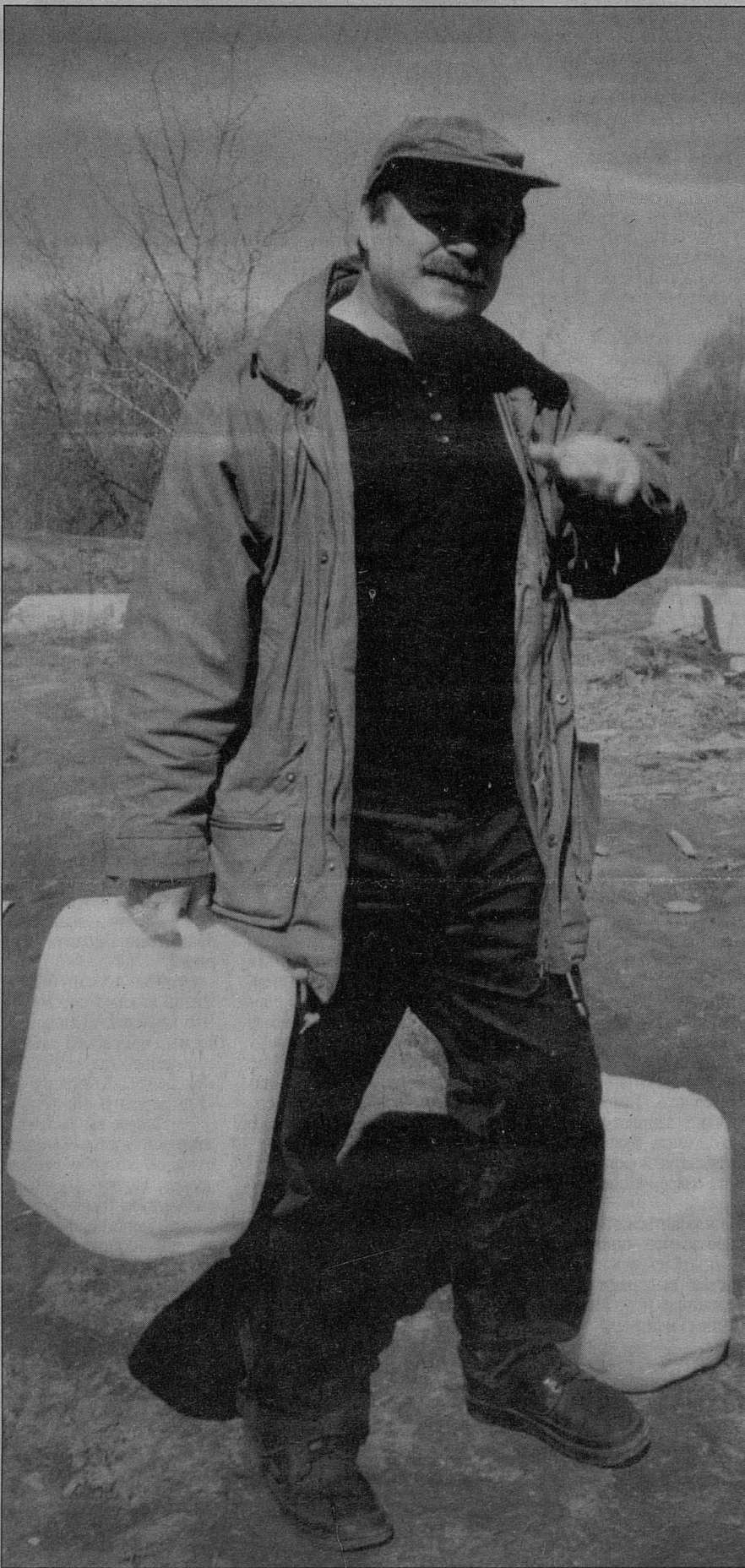
— А валенки у нас с Зойкой есть. По две пары — рыбацкие и простые. Валенки, скороворки чуточные...

— В деревню не тянет?

— А мы и так в деревне. Все свободное время. Если Господь даст, то к пенсии совсем передем.

— Хозяйствовать будете?

— Нет, не потянем. Мы больные. Но рукоделием можно заняться. Так, построить деревяшку, пошить чего-то. Ну и бартер. Рукоделие на продукты. Может, рожу еще куда возьмут, снимают.

Беседовал
Олег НИНЕЛУД
Фото автора